

Для неё он всегда был Ванюшкой. Так когда-то называла его мама, четырёхлетнего мальчика, по воспоминаниям его детских впечатлений. Вот они с мамой возвращаются из магазина по пыльной просёлочной дороге. В руках у мамы капроновая авоська с бутылками кефира, батоном и крупами в целлофановых пакетах. Рука Ванюшки выскальзывает из маминой ладони, чтобы пальчиком нарисовать узоры на дорожной пыли. Мама торопит его, застрявшего на корточках посреди пути: «Ванюшка, пойдём уже». – «Угу», – соглашается Ванюшка и продолжает ковырять пальчиком дорожную грязь. Это маме кажется, будто он балуется, на самом деле он лепит из пыли морские волны и представляет себя качающимся на этих волнах. Мама достаёт из кармана запасную капроновую авоську, скручивает её жгутом и поддаёт Ванюшке по мягкому месту. Только тогда он понимает, что море далеко, а впереди долгая дорога к дому под палящим солнцем, и понуро шагает рядом с мамой, иногда стараясь задержаться в жидкой тени одинокого деревца на обочине с мелкими сухими листьями на тонких, как паутина, ветках. И через несколько метров опять останавливается, заметив муравьишку на земле. «Я же не мог объяснить маме, что хотел сделать домик-норку для этого муравья, чтобы случайный прохожий его ненароком не затоптал! – объясняет он, смеясь. – Она бы не поняла. Поэтому я больше молчал, но поступал по-своему. А вот тебе мне хочется всё-всё рассказывать, всю свою жизнь с самого начала». Она взбивает две перьевые подушки, укладывает их к атласной спинке кровати, откидывается на них, устраивает его голову у себя на коленях и начинает слушать. Медленно перебирает седеющие уже, мягкие, влажные от физической слабости и болезни волосы, скользит подушечками пальцев по чуть колючей щеке, поднимается, приподняв кончик носа через горбинку ко лбу, чтобы прикоснуться, понять и успокоиться – лоб холодный, температура нормальная. В тусклом комнатном освещении его вытянутые ноги и раскинутые руки между холмиков одеяла похожи на узловатые корни дерева, растущие в сухую землю его южной родины. И она вплетается гибким своим телом в эти корни, вливается свежей струёй воды в теплоту тела, чтобы защитить, оживить, напитать силой, энергией, материнской нежностью и заботой. Он уже почти засыпал, хотя продолжал рассказывать, невнятно шевеля пересохшими губами, вспоминал... В десять лет мама заявила, что теперь он взрослый и обязан сам ухаживать за собой, стирать одежду. И ещё его обязанность – ходить на рынок за мясом. Однажды недобросовестный продавец подсунул мальчишке мясо некастрированного хряка. Вернувшись обратно к прилавку, он стоял и плакал на рыночном пятачке. Другие торговцы заставили продавца заменить некачественный кусок, а в довесок насыпали ребёнку в сумку гостинцев: орехов, фруктов, сдобы. Она свободной рукой нащупывает на полу гладкую округлость бутылки с водой, чтобы дать ему напиться. Но он вдруг останавливает рассказ, вспоминает, что утром сплеснул кофе на её юбку. И, не принимая возраже-

ний, уходит в ванную застирывать. Руки у него всегда мелко вздрагивали – будто осенние листья трепыхались от стылого ветра.

Кофе стал важным ритуалом их совместной жизни. В утренней сонливой неге она чувствовала мимолётное прикосновение к своей руке и ощущала, как он уходит, выскользнув из-под тёплого одеяла. Потом сквозь отверстие в заботливо притворённой двери она слышала хлопотанье на кухне, и вслед за тем в комнату вливался сильный, яркий аромат кофе, подправленный запахом сигарет. Услышав приближающиеся шаги в комнате, тревожно приподнималась, перехватывала тонкую фарфоровую чашку из дрожащих рук, боясь, как бы он не опрокинул её на себя и не обжётся. Снова устраивалась на постели, а он опускался коленями на пол, чтобы, прищулив левый глаз, пострадавший от ранения в Луганске в 2014 году, наблюдать с блуждающей улыбкой, как она дурачится, дует на коричневую пенку в чашке, придумывая незатейливые картинки из этой пенки. Кофейную гущу, оставшуюся на дне, она сбивала в одну сторону, создавала что-то вроде подобия улыбки или сердечка, показывала ему и благодарила, протянув обратно пустую чашечку с тонкой трещинкой на боку, с золотым ободком на внутренней поверхности и букетиком скромных полевых цветов на внешней.

Она любила полевые цветы. Летом на даче специально уходила в поле, чтобы нарвать букет разнотравья и увитый плющом букет поставить в центре старинного, ещё бабушкиного, из тёмного ореха овального обеденного стола. Он дарил ей белые розы. Нежными крупными бутонами они возвышались на колючих длинных ножках. Она аккуратно раскрывала упаковку, приподнимала кольцом пальцев бархатные, откиннутые лепестки, едва притрагивалась губами к кружевной сердцевине цветов и бережно помещала их в широкую стеклянную вазу. Подаренные цветы она никогда не забирала домой. В её просторной, современно обставленной квартире достаточно было комнатных, в расписных керамических горшках: причудливые бабочки орхидей соседствовали на широких подоконниках с пышной синей фиалкой, а яркая герань оттеняла бледные цветы розочек, рассыпанные по чахлым веточкам домашнего кустарника. Когда розы увядали, она прихватывала их с собой и оставляла под окном в палисаднике, пряча в вакханалию весенней зелени. Выбросить их в мусорный бак она просто не могла. Ранним утром у себя дома она так же пила кофе из фарфоровой чашки с греческим орнаментом. Смотрела в окно на блестящие золотом неровные купола Рождественской церкви, слушала отголоски звона колоколов, сзывавших на раннюю Литургию. Пылесосила бархатную мягкую мебель и проходила щёткой по гляncу дорогого паркета, принимала утренний душ под массажными тугими струями, натиралась ароматными маслами. И садилась за работу к ноутбуку – править чужие тексты. Но мыслями всё время возвращалась к нему, в неприбранную тесную квартиру на первом этаже кирпичного сталинского дома. Так было уже не раз. Все повторится завтра, когда она закончит работу, поедет к нему, откроет дверь домофона подаренным им ключом с брелоком в форме миниатюрного снаряда, поднимется по истёртым ступеням на площадку первого этажа, мимолётно ощущая запах подвальной сырости и кошачьих меток. Толкнёт пыльное широкое полотно двери и шагнёт в уютную родную квартиру со старой прихожкой, треснувшим зеркалом и обвалившейся лепниной, с советским выцветшим полированным буфетом и с картиной штормового Чёрного моря – копией мариниста Айвазовского, неровно висящей в центре стены с обшарпанными обоями. Он, как обычно, прижмёт её к себе, потом откинется к дверному проёму, боясь не удержаться и упасть от болезненной слабости. Пока он убирает на плечики её мутоновую шубу, она облачится в свободные байковые домашние штаны, закатанные по росту снизу, подтянет тесёмку на талии в узелок, накинет на плечи кофту, поношенную, но с таким родным запахом. Они отправятся на кухню, распахнут форточки для свежего воздуха, включат конфорки для тепла и съедят что-нибудь вкусное, что он приготовил специально для неё. Она каждый раз фантазировала по пути, пытаюсь угадать, каким блюдом он удивит её сегодня. Может, мясом, запечённым под горчицей в рукаве, сочным внутри и с хрустящей корочкой сверху? Может, взбитым творогом с зеленью на чуть подсохшей краюхе паляницы? Может, айвой, начинённой в сердцевине ветчиной и сыром? А на десерт – густой банановый коктейль, с лопающимися и исчезающими пузырьками на поверхности. Он очень радовался, глядя, как она с аппетитом уплетает приготовленную им замысловатую еду. Не сразу принимался за обед сам, и все равно отвлекался, и опять задумчиво поглядывал на неё. Однажды, завернув по пути с мероприятия, она заскочила неожиданно и застала его врасплох. Он смущённо открыл дверцу холодильника, пытаюсь на пустых полках отыскать то, чем её можно покормить. А на вытертой до неясного рисунка клеёнке одиноко стояла миска с недоеденным гороховым супом.

Они тогда пили чай, ароматный, жасминовый, и закусывали крепкими прозрачными дольками корицы с сиропом. Варенье передали с родины, возврата куда для него нет. В тот вечер Ванюшка рассказывал ей о своём участке, о саде, который посадил и вырастил, об удивительной сливе, выведенной им: плоды её настолько сладки, что при приготовлении варенья не нужно добавлять сахар. «Я не только садовод, я ещё и знатный козовод, – шутил он. – Молоко моих коз никогда не пахло, потому что я смастерил подмости наверху сарая, козы взбирались и спали там». Она смеялась, представляя картину из коз, вповалку спящих на полотах, тормошила и целовала его. «Мы когда-нибудь попробуем слив из твоего сада», – мечтательно грезил она. «Не получится, – отвечал он. – Сад в Луганске сгорел вместе с домом в 2014 году. Тогда в дыму задохнулась и мама. А я ведь ещё и печник знатный, – стараясь отвлечься от грустных мыслей, продолжал, – я печь сам сложил. Какие мама пироги пекла – объеденье! И молоко томила...» – «Ты был когда-нибудь счастлив?» – спрашивала она, разглаживая глубокие морщины на его лбу, щеках. «Я осознаю, что был счастлив, уже потом, по прошествии времени, когда возвращаюсь в воспоминаниях к некоторым моментам моей жизни». – «Расскажи», – допытывалась она, втайне надеясь, что он вспомнит какой-нибудь эпизод их общей судьбы. Тогда он рассказал о трёхлетней девчужке, припавшей к ноге ополченца-отца, вернувшегося по обмену из украинского плена. «Я наблюдал тогда эту встречу в аэропорту и ясно осознал, что рисковал не зря, идя на переговоры об его обмене». – «А я счастлива сейчас!» – восклицала она и кружила его в вальсе по тесной кухне, натываясь на открытую для тепла дверцу духового шкафа, спотыкаясь о колченогие табуреты, выброшенные кем-то за ненадобностью и отремонтированные им для своего нового жилища в Москве. Огибая в этом кружении углы обеденного стола с двумя мисками горохового супа на потёртой от времени скатерти.

Он любил затащить её, сопротивляющуюся, в ванную, спрятать за плотной двойной тканью душевой занавески и, предварительно обрызгав волосы, чтобы не сбежала, выкупать, словно маленького ребёнка. Приказывал зажмуриться, намыливал шампунем волосы и долго бережно перебирал их, смывая обильную пену. Она ловила эту пену и хлопала мыльными скользкими ладошками по его спине. Понемногу подталкивая поближе к горячей струе душа, чтобы не замёрз. Потом они сидели напротив деревянного подоконника с облупившейся масляной краской, он расчёсывал ставшие мягкими после мытья, но всё равно непослушные волосы и пытался пригладить и соорудить из них косички. Через мутную оконную раму проглядывало солнце, просачивалось тёплыми лучами сквозь нарождающуюся весеннюю зелень. «Твои волосы теперь пахнут жасмином, – говорил он, зарываясь лицом в ещё влажные волосы. – У себя дома в Луганске я посадил несколько кустов жасмина. Я открывал окна в доме, когда они зацветали. И наш жасмин здесь, в палисаднике, тоже скоро зацветёт. Я открою окно. Прилетят соловьи и разбудят тебя когда-нибудь утром своим пением». В тот вечер он нарисовал пастелью на акварельной бумаге ветку жасмина с крупными, розовеющими в утренней дымке раскрытыми уже цветками. Она приколола рисунок на стене, рядом с картиной Чёрного моря Айвазовского. «Ты видела когда-нибудь, как цветёт жасмин?» – «Нет», – смущённо призналась она. «Мы вместе понаблюдаем это чудо!» – пообещал Ванюшка.

Уже под утро, разгорячённые доверительными разговорами, они решили выйти на улицу, подышать настоящим весенним воздухом, побродить по московским улочкам. Город спал, освещённый одиноко горящими окошками и жидким светом ночных стражей-фонарей. Где-то далеко монотонно и глухо шумела трасса. Они завернули на детскую площадку, мерцающую горбатыми спинами стальных горок, с нагромождением пластиковых конструкций, лестниц, башенок. Она присела на качели, а он стал раскачивать их всё сильнее и сильнее, выше и выше. Опрокидывались деревья, наклонялись дома, переворачивались игрушечные шпили башен. Голова кружилась от вернувшегося на мгновение близкого ощущения детства. И он кричал, всё сильнее раскачивая: «Придурки, да?» Она кивала, мысленно соглашаясь со всей нелепостью ситуации, ещё крепче вжимаясь в сиденье, в полёте снова отрывалась, вспотевшими от страха ладошками удерживала скользкие пластиковые цепи. Только когда порывом ветра с неё сорвало лёгкую вязаную шапочку с пушистым белым помпоном, он остановил качели. Поднял из лужи намокшую шапку и бережно спрятал на своей груди. Накинул на голову ей капюшон, плотно утянув завязки под подбородком. Неожиданно вихрем налетела большая лохматая собака, вскочила передними лапами на грудь Ванюшки, опрокинула их обоих, побарахталась с ними на земле и снова умчалась по зову хозяина. Они ещё полежали какое-то время, глядя в сереющее утреннее мирное небо, не исчерченное огненными стрелами ракетных

залпов, как на родине Ванюшки, в Луганске. Потом, озябшие от земляной сырости, направились к домашнему очагу. На тротуаре он вдруг развернул её к себе, внимательно заглянул в глаза и запел песню Высоцкого про бабье лето и ветреную женщину. «Чудо ты моё, откуда же ты взялась и почему не появилась тогда, до войны, когда я ещё был почти здоров?» Так стояли они ранним утром, обнявшись, на фоне многоуровневой современной высотки на мокром московском асфальте, уже искрящемся бликами восходящего солнца: пожилой, много переживший, раненный войной на Донбассе, больной диабетом и онкологией луганчанин и полная радости, энергии и молодых сил, не познавшая большой беды московская барышня .

Проснувшись посреди ночи в своей московской квартире от неподдельной тревоги, она поняла, что хочет услышать его голос. Пометавшись в сомнениях, опасаясь потревожить его сон там, на другом конце Москвы, она всё же решила позвонить. Ответом стали монотонные гудки. А ведь он отвечал ей, несмотря ни на что, отвечал всегда: рано утром, поздно вечером, выходил для связи с совещаний или концертов. Снова и снова рвущие душу гудки. В безотчётном страхе она набрала смс другу, живущему поблизости от него. Пусть придёт, проверит, разбудит, убедится, что всё в порядке. И опять звонки ему. И ответ – голос слабый, чужой, почти безжизненный: «Мне очень плохо, Варенька». – «Слышишь: вызывай “скорую”, срочно». В последнее время у него резко ухудшилось зрение, офтальмолог выписал препараты со снотворным действием. Во сне сахар резко упал, а проснуться он никак не мог, потому что выпил по схеме все лекарства с побочным эффектом – сонливостью. Превозмогая себя после Вариного звонка, дополз до кухни, съел банку сгущёнки. В больницу отвёз разбуженный Варенькой друг. Она приехала к нему, опасаясь самого худшего – комы. Утопая худым лицом в пожелтевшей от частых стирок наволочке больничной подушки, он улыбнулся светлой улыбкой, притянул к себе её руку и поцеловал.

В ту ночь ему опять было очень плохо: бил озноб, предметы плыли перед глазами, и он хватался за неё, пытаясь остановить движение. Она укутала его двумя одеялами, сверху ещё накрыла пледом, подоткнув с боков и снизу. И всё равно он мёрз. Перед глазами всё время стоял образ товарища, ополченца Юрия, которого страшно морозило в окопе в сорокаградусную жару. Ванюшка накидал на него ватников, но тот так и не согрелся. Через несколько часов умер. Варенька об этом ничего не знала, но немного успокоилась только тогда, когда судорожные приступы кашля прошли и Ванюшка спокойно и ровно задышал. Она прикоснулась губами к влажному лбу, тёплому, как хлеб из печи. Нужен свежий воздух, в комнате душно и пахнет лекарствами. Она встала, приоткрыла створку деревянного окна. С улицы через железную решётку в комнату сорвалась и проскользнула ветка жасмина. Варенька подумала, что кустарник не зацветёт в этом году. Излишне хозяйственные соседи слишком усердно подрезали жасмин, и у него не хватит сил на цветение – так сказал Ванюшка. Она вдохнула свежий аромат листьев, погладила веточку и отвела её назад через решётку. Ванюшка обещал показать ей удивительное цветение жасмина. Он всегда сдерживает свои обещания. Значит, впереди у них ещё хотя бы один год жизни вместе. Можно выдохнуть до следующей весны, когда зацветёт окрепший кустарник. Она вернулась к нему, забралась под бочок и, успокоенная, уснула. Среди ночи иногда просыпалась, нащупывала рядом живое тепло, гладила, целовала, растирала прохладные ноги с ампутированным большим пальцем на левой и снова засыпала.

Это была последняя весна Ванюшкиной жизни...